

Наконечный Михаил Юрьевич
(Санкт-петербургский институт истории Российской академии наук).

Смертность в лесных лагерях ГУЛАГ в 1937-1938 гг. в сравнительном мировом контексте.

Аннотация:

В статье предпринята аналитическая попытка рассмотреть на микроуровне катастрофу со смертностью заключенных в лесных лагерях ГУЛАГа в ходе массовых операций 1937-1938г. Автором используется компаративная методология. Для сравнения привлекаются данные пенитенциарных систем США, Третьей Французской республики, нацистской Германии, а также коэффициенты смертности сопоставимой половозрастной когорты на воле.

Впервые в научный оборот вводятся подробные ежемесячные абсолютные и относительные показатели смертности для всех новообразованных лесных лагерей, относительные показатели смертности Локчимлага, Томасинлага, Ивдельлага, Усть-Вымлага и ряда других лагерных управлений в период кризиса 1938 г.

Summary:

This paper is an analytical attempt to examine mortality of prisoners in the Gulag timber camps on micro-level during Great terror of 1937- 1938. The author uses comparative methodology for his analysis. For comparison, he employs statistical data of U.S.A. prison system , metropolitan prisons of the Third French Republic, concentration camps of Nazi Germany , as well as death- rates of comparable sex and age cohorts of the USSR civil population . Detailed monthly absolute and relative mortality rates for all newly created timber camps are introduced in this paper for the first time in historiography , including relative death rates of Lokchimlag , Tomasinlag , Ivdellag , Ust- Vymlag camp and several others ITLs during the crisis of 1937- 1938.

Ключевые слова: ГУЛАГ, смертность заключенных, лесные лагеря ГУЛАГа, нацистские концлагеря .

Keywords: GULAG, prisoner mortality, timber camps, Nazi concentration camps.

Введение

За последние десятилетия в научный оборот введен значительный массив статистических данных по смертности советских заключенных в 1930-е гг. [12, С. 10—27, 13, С. 3—16, 15, С. 54—79, 29, 30, 37, 38, С. 441—442; 16, С.112-119.] позволяющий проследить на макроуровне эволюцию смертности по системе ГУЛАГа в целом и на протяжении длительного времени. Однако ряд важнейших сюжетов, касающихся санитарной ситуации в пенитенциарных структурах СССР этого периода на микроуровне — в отдельных лагерных производственных управлениях и группах лагерей — до сих пор не получил должного освещения в историографии. К таким сюжетам, бесспорно, относится катастрофа, развернувшаяся на протяжении 1937—1938 гг. в «новообразованных» лесных исправительно-трудовых лагерях 1-й и 2-й очереди: Каргопольлаге, Тайшетлаге, Кулойлаге, Ивдельлаге, Локчимлаге, Томасинлаге, Усть-Вымлаге, Вятлаге, Усольлаге, Севураллаге, Краслаге, Унжлаге и Онеглаге [35, С.371-372].

Феномен массовой гибели заключенных в упомянутых ИТЛ представляет интерес по следующим причинам.

Во-первых, в литературе не существует ни одной специализированной работы, посвященной анализу неординарной санитарной ситуации в лесных лагерях в ходе «Большого террора». Между тем, этот кризис настолько примечателен даже по меркам советской лагерной системы 1930-х гг., что заслуживает отдельного рассмотрения.

Во-вторых, судьба первых партий заключенных лесных лагерей представляет собой важный эпизод в истории политических репрессий. К сожалению, она также мало известна широкому читателю. Между тем, микроуровневый анализ кризиса приближает нас к пониманию демографических последствий беспрецедентных по масштабу массовых операций НКВД этих двух лет.

Наконец, в-третьих, компаративные исследования коэффициентов смертности лесных ИТЛ практически отсутствуют в исторической науке. Причем это касается как сравнений со смертностью аналогичной половозрастной когорты в свободном населении СССР, так и мирового контекста. Между тем, как в научных работах, так и в публицистике часто появляются взаимоисключающие мнения об уровне смертности в советской системе исполнения наказаний — катастрофическом или же, наоборот, умеренном. Однако ясно, что без опоры на конкретные математические пропорции и аналитику они носят отвлеченный, субъективный, оценочный характер.

Как результат, в историографии и тем более в общественном сознании отсутствует представление о лагерном кризисе 1937—1938 гг. Отсутствует и понимание его особенностей на фоне тюремных систем зарубежных стран именно в аспекте смертности заключенных.

Цель исследования — хотя бы в первом приближении восполнить этот существенный пробел и, опираясь на компаративную методологию, дать интегральную дефиницию кризису в мировом сравнительном контексте.

Задачи исследования:

- а) ввести в научный оборот ежемесячные и годовые коэффициенты для «новообразованных» лесных лагерей ГУЛАГа НКВД СССР за 1937—1938 гг.;
- б) сопоставить уровень смертности в лесных лагерях с показателями аналогичных половозрастных когорт на воле для точной характеристики уровня смертности;
- в) выявить комплекс причин, вызвавших гуманитарную катастрофу в лесозаготовительных лагерях.

Автор специально подчеркивает, что им затрагивается небольшой эпизод в истории лесных ГУЛАГа длиной 12-15 месяцев. Узкие хронологические

рамки накладывают определенные ограничения на выводы и не позволяют делать чрезмерно широких обобщений на макроуровне.

Данная работа является, прежде всего, исследованием масштаба и интенсивности конкретного кризисного пика конкретных лагерей на фоне типичных и пиковых показателей тюремных систем разных стран, современных СССР. Она не ставит целью сопоставления средних показателей целых пенитенциарных систем на протяжении длительного времени и не исследует смертность в лесозаготовительных ИТЛ в целом за весь период их существования .

Более подробный анализ долговременных общих трендов смертности и в лесных лагерях, и в целом в советской пенитенциарной системе на протяжении десятилетий в сравнении с показателями тюрем разных стран, с учетом комплекса разнообразных факторов, является куда более трудоемкой задачей. В рамках этого небольшого анализа ее полноценно выполнить невозможно, но мы работаем над этой сложной проблемой в нашем диссертационном исследовании.

Следует подробнее остановиться на применяемой нами компаративной методологии.

Методология

По нашему убеждению, любая статистика смертности в тюрьмах и лагерях обретает ясное значение только в контексте сходных величин из мирового опыта пенитенциарных систем. Только тогда у исследователя появляется оценочная система координат, в которой все заявления о «катастрофической», «приемлемой» или «нормальной» смертности в тот или иной период перестают быть публицистическими приемами и обретают конкретное статистическое обоснование.

Если в ходе сравнений выяснится, что статистика, демонстрируемая лесными лагерями в 1937—1938 гг., была характерна для тюремных систем развитых стран исследуемого периода, то считать ситуацию в лесных лагерях «аномалией» нет оснований. Если же анализ будет свидетельствовать о гуманитарной катастрофе, не имеющей на тот момент аналога среди развитых стран, то можно будет вполне обоснованно, с опорой на доказательную базу использовать усиленное словосочетание «экстремально высокая смертность».

Когда мы говорим о тюрьмах, то принимаем как общеизвестное, что эти институты далеки от идеала во все времена и во всех государствах. Потому категории «благополучности», особенно относительно смертности заключенных, бесспорно, носят условный характер. Зачастую мы сравниваем показатели плохие, очень плохие и катастрофические.

Данная логическая цепочка подводит нас к следующему: несмотря на то, что в глобальном плане в пенитенциарных структурах любой страны в любую эпоху можно найти множество неприглядных явлений, условия содержания заключенных могут различаться кардинальным образом. В зависимости от этого одни тюремные системы будут считаться «нормальными» или «типичными», а другие — «аномальными». Причем среди этих последних некоторые могут выделяться — в худшую сторону — настолько сильно, что их показатели по праву получают название «катастрофических» и «беспрецедентных».

Для проведения сопоставлений с лесными лагерями необходимо установить «нормальный» и «аномальный» уровни смертности в пенитенциарных учреждениях зарубежных стран тех лет. Для этого по типовым признакам определены три статистические группы.

Категория I: пенитенциарные структуры экономически развитых индустриальных стран. Именно их тюремные системы считались «нормальными» и «лучшими из возможных» в санитарном отношении для 1930-х гг.

Для этой категории характерны низкие как абсолютные, так и относительные показатели смертности заключенных.

Для сравнения привлечена статистика смертности так называемых центральных каторжных тюрем Франции (фр. *maisons centrale*)[6], и также тюрем США (англ. *prisons*)[5]. Эти места лишения свободы в наибольшей степени соответствуют советским исправительно-трудовым лагерям. Во-первых, по критерию срока заключения: в *maisons centrale* и *prisons* отправлялись наиболее опасные с точки зрения законодательства преступники на длительные сроки заключения. Во-вторых, значительная часть контингентов этих пенитенциарных структур привлекалась к принудительному труду в местах лишения свободы и за их пределами.

Категория II: места заключения стран—колоний. К этой же категории относятся тюремные системы «развивающихся» стран (большая часть стран Африки, Азии и Латинской Америки). Для тюремных систем этой категории были характерны относительно невысокие абсолютные показатели смертности заключенных (из-за низкого коэффициента призывности), но аномально высокие относительные коэффициенты в результате тяжелейших условий содержания. Из-за узких рамок данной работы статистика этих мест лишения свободы привлекаться не будет, а получит более подробное освещение в нашем диссертационном исследовании.

Категория III: тюремная система — «гуманитарная катастрофа». В XX в. таковыми за рубежом являлись концлагерная система Третьего Рейха[21, 22, 23, 24] и система концентрационных лагерей (Лао-Гаи) в коммунистическом Китае[20, Р. 270].

Для этой группы характерны не только беспрецедентно высокие относительные показатели смертности из-за убийственных условий содержания в пенитенциарных учреждениях, но огромные абсолютные цифры гибели людей ввиду стабильно высокого количества заключенных на душу населения. Другой отличительной чертой является концентрация заключенных в так называемых «лагерях—гигантах»: крупномасштабных местах лишения свободы. Данная особенность существенно увеличивает масштаб смертности в отдельных пенитенциарных заведениях.

Из этой группы нами выбраны для анализа трудовые концентрационные лагеря нацистской Германии в юрисдикции СС. На наш взгляд, смертность в советских ИТЛ методологически корректно сравнивать с индексами именно таких "трудовых" лагерей Третьего Рейха, располагавшимися на территории собственно Рейха (Дахау, Бухенвальд, Заксенхаузен, Маутхаузен, Флюссенбург и т.д.). Смертность заключенных там повышалась в большинстве случаев по тем же причинам, что и в советских лагерях: из-за тяжелейших условий содержания, провоцировавших эпидемии инфекционных болезней, сверхэксплуатации заключенных, жесткости администрации. Одиозные «лагеря смерти» на территории генерал-губернаторства (и рядом с ним) не являлись пенитенциарными заведениями в прямом смысле этого слова, будучи местами массовых преднамеренных казней. Поэтому сопоставления лагерей ГУЛАГа с этим сегментом нацистской системы нам представляется бессмысленным и методологически некорректным. Подобную практику массовых убийств, на наш взгляд, правильнее было бы сравнивать с массовыми же расстрелами в СССР в 1937-1938 гг. , никак не с ИТЛ.

Однако, для интересующего нас 1938 г. нацистская концлагерная система находилась на начальном этапе своего становления. Условия содержания заключенных, хотя и достаточно скверные, были еще совершенно не сопоставимы с катастрофой, начавшейся с разгаром Второй мировой войны[22]. Поэтому для большей объективности и репрезентативности привлечены данные по ряду лагерей не только мирного времени, но и военных лет (1939—1945 гг.)

Специально подчеркну, что в рамках данной работы не ставится целью сравнивать общие коэффициенты в ГУЛАГе и в нацистских концлагерях. Несмотря на то, что в историографии были некоторые попытки[25] провести такие сравнения, уровень разработанности статистических данных как по ГУЛАГу, так и по нацистской системе не позволяет пока проводить относительно точные сопоставления обобщенных трендов хотя бы в первом приближении.

Пока возможно давать лишь грубые и приблизительные оценки.

По предварительным оценкам, нацистская концлагерная система (входившая в юрисдикцию СС) была более благополучной, чем советские ИТЛ в довоенное время в относительных и абсолютных цифрах, но стала резко

превосходить ГУЛАГ в 1939-1945гг. в удельных коэффициентах. Исходя из имеющихся данных, можно сделать вывод, что концлагерная система Рейха была интегрально в разы более смертоносной в процентном отношении.

Но насколько велика была разница между двумя системами в аспекте смертности еще предстоит установить путем тщательного и трудоемкого исследования.

С другой стороны, очевидно, что и ГУЛАГ и лагеря Рейха являлись экстремальными аномалиями в практике организации пенитенциарных систем для XX века сразу в нескольких аспектах:

1. Нигде в развитых странах сотни тысяч и миллионы заключенных не вовлекались в грандиозные экономические проекты, как в СССР в 1930-е и нацистской Германии в 1940-е.
2. Нигде в европейских странах этой эпохи не погибало десятков и сотен тысяч заключенных, кроме СССР, нацистского Рейха, и, возможно, франкистской Испании.
3. Нигде в индустриальных развитых странах в мирное время в 1930-е не фиксировалось 10-15% годовых относительных коэффициентов смертности в отдельных пенитенциарных учреждениях, как это случалось в СССР и Третьем Рейхе.

Безусловно, сравнение статистики двух лагерных систем ни в коем случае не означает, что нацистская и советская системы были одинаковы. Грубо приравнять к друг другу лагеря Рейха и ГУЛАГ ни в коем случае нельзя. Напротив, подобные сравнения выделяют не только возможные сходства, но и многочисленные, порой очень существенные, различия.

Однако, в то же время сравнительный анализ советской и нацистской систем «обычных трудовых лагерей» представляется нам вполне конструктивным, полезным и обладающим научной ценностью. Подобное сравнение позволяет четче выделить сходства и различия обоих режимов в пенитенциарной политике.

Распространенным методом анализа условной «благополучности» санитарного состояния и условий содержания в тюремной системе считается сравнение индексов смертности за решеткой с аналогичными показателями среди свободного населения в стране. В отечественной историографии данную методику применяли лишь несколько авторов. К сожалению, некоторые из них допустили грубую методологическую ошибку, сравнивая так называемый общий коэффициент смертности по стране напрямую с ГУЛАГовской смертностью без поправки на пол и возраст [17, С. 114-120].

Из всех видов отдельных пенитенциарных учреждений нами отобраны места лишения свободы, где заключенные отбывали срочное наказание больше 1 года. Установлено, что в смертность в местах лишения свободы XIX [10, С.442-454] и первой половины XX вв. в их условно нормальном состоянии

увеличивается пропорционально сроку заключения. Эта закономерность не универсальна и в истории тюремных систем того периода есть и обратные примеры[32, С.40-41] однако общая динамика такова. Поэтому нами из сравнения были исключены места заключения для так называемых краткосрочных арестантов, в которых смертность в 1930-е гг. была минимальной из-за небольшого срока заключения.

Что касается климата, то установлено: если в тюремной системе отсутствует сверхэксплуатация подневольного труда, если арестантам обеспечиваются минимально нормальные медицинское обслуживание и питание, а бытовые условия отбытия наказания относительно приемлемы, климат и смертность заключенных коррелирует слабо. Это утверждение доказывается сравнительно низкой (с поправкой на критерии эпохи) смертностью в каторжных тюрьмах Сахалина или на Нерчинской каторге до революции в большую часть времени их существования. Подтверждают его и данные нескольких советских лагерей, расположенных в очень неблагоприятных климатических поясах. Такие учреждения, как Норильский ИТЛ, демонстрировали относительно умеренную статистику смертности благодаря рациональной организации труда, относительно мягким (по сравнению с другими лагерями) условиям содержания, более внимательному отбору «контингента»[11, С.177-233].

Наконец, следует ввести поправку на половозрастной фактор: смертность всегда зависит от возраста и пола. Заключенные практически в любой тюремной системе представляют так называемую смещенную половозрастную когорту. В тюремной популяции отсутствует возрастные группы, которые на свободе дают самый высокий процент смертности: младенцы и глубокие старики. Также среди заключенных, как правило, преобладают мужчины в самом здоровом возрасте (от 20 до 40 лет), доля заключенных—женщин очень редко превышает 15—20 %, колеблясь в основном вокруг отметки в 5—7 % от общего количества арестантов.

Для того, чтобы сравнение с коэффициентом смертности на воле было корректным, необходимо высчитать средний индекс смертности для взрослых мужчин от 20 до 40 лет в свободном населении и сопоставить его с индексами тюремной смертности. Для этой половозрастной когорты на свободе еще с конца XIX в. характерна смертность в районе 10 *pro mille* [8, С.7]. В годы кризисов (голод, война, эпидемии) этот показатель повышался, но не слишком значительно[26, С.120].

Историография проблемы

В отечественной исторической науке впервые ряд абсолютных показателей смертности в лесных лагерях за 1937—1938 гг. был опубликован В.Н. Земсковым[15, С.62]. Благодаря трудам региональных историков некоторые лесные лагеря ГУЛАГа исследованы достаточно подробно. Среди этих работ стоит отметить монографии В. Бердинских о Вятлаге[27], Н.А. Морозова о ГУЛАГе в Коми Крае (в ней, помимо прочего, исследуются Локчимлаг и

Усть-Вымлаг)[31], а также статью С. А. Шевырина об Усольлаге [18, С. 50-56]. Ряд относительных показателей периода «массовых операций» НКВД для трех лесных лагерей (Каргопольлаг, Кулойлаг, Тайшетлаг) приводился А.В. Кокуриным и Ю.Н. Моруковым в серии публикаций в журнале «Свободная мысль». Ситуацию в лесозаготовительных ИТЛ затрагивали авторы фундаментального справочника «Система мест заключения в СССР. 1929—1960 гг.»[30], а также Н.В. Упадышев в своей работе о ГУЛАГе на Европейском Севере России[34].

Однако подробный анализ санитарной статистики данных лагерных управлений не входил в исследовательские задачи вышеупомянутых историков. Как следствие, соответствующие данные приводились ими фрагментарно. Полной статистики (среднемесячные и годовые абсолютные и относительные показатели для большей части лесных лагерей периода «Большого террора») до сих пор так и не было опубликовано.

Наиболее интересно, подробно и всесторонне осветил ситуацию в лесозаготовительных ИТЛ в исследуемый период один из наиболее авторитетных современных специалистов по эпохе сталинизма О.В. Хлевнюк в своей монографии «Хозяин»[35, С.371-372]. Однако им справедливо отмечено, что «история этих лагерей требует специального изучения»[35, С.371].

В современной историографии большинство исследователей (за редким исключением) ограничивается некритической ретрансляцией данных из документов Санитарного и Учетно-распределительного отделов ГУЛАГа, лишь констатируя флуктуации общего коэффициента смертности на протяжении ряда лет. Так, допустим, воспроизводит цифры известный специалист по истории советской пенитенциарной системы В.Н. Земсков: «В 1938 г. уровень смертности в ИТЛ довольно резко подскочил, составив в среднем 5,5—5,7 % к годовому контингенту заключенных. В 1938 г. умерло лагерных заключенных в 3,6 раза больше, чем в 1937 г. (в Бамлаге — в 7,1 раза). В 1939 г. уровень смертности в среднем по лагерям ГУЛага понизился до 3,3 %. В этом году умерло в 1,8 раза меньше заключенных, чем в 1938 г., а по ряду лагерей это снижение было еще более значительным (Ивдельлаг — в 5,2 раза, Сиблаг — в 4,7, Сазлаг — в 3,3, Ухтижемлаг — в 3,1, Краслаг — в 2,7, Карлаг — в 2,2 раза)»[15, С.64].

На первоначальном этапе изучения проблемы, после открытия ранее засекреченных архивов, фактографическое изложение внутренней динамики смертности в советских лагерях было, безусловно, необходимо и важно. Однако с момента публикации статистики прошло уже много лет. Историография же до сих пор оперирует лишь сравнительной динамикой колебаний смертности внутри системы (между 1938 и 1939 гг., например), без рассмотрения смертности в ГУЛАГе в мировом контексте. Представляется, что простая констатация показателей никакой аналитической ценности не несет. Цифры, перенесенные из источников,

вырванные из контекста эпохи, по сути, ничего не доказывают без учета этого контекста. Прежде всего они не отвечают на принципиальные, с нашей точки зрения, вопросы:

1. Можно ли считать подобную смертность «умеренной» или, наоборот, экстремально высокой, и почему?
2. Были ли такие показатели характерны для пенитенциарных систем развитых или, наоборот, отсталых стран конца 1930-х гг. ?
3. Если смертность в этих лагерях была аномально высокой, то насколько она превосходила аналогичную статистику пенитенциарных систем развитых стран и, с другой стороны, стран—аутсайдеров в вопросе смертности заключенных?

Источники

Данные о смертности в лесных лагерях взяты из документооборота Санитарного и Учетно-распределительного отделов ГУЛАГа, отложившихся в фонде № 9414 Государственного архива РФ [1, 2, 3]. Проблема полноты и достоверности статистических отчетов требует отдельного исследования и здесь подробно затрагиваться нами не будет. Следует лишь указать, что на сегодняшний день в историографии ее принято считать достаточно достоверной для характеристики основного тренда [14, С.155-156].

Однако существует ряд существенных оговорок. Как замечает О.В. Хлевнюк, «...ГУЛАГовские отчеты о смертности, несмотря на значительность цифр, были неполными. Во-первых, в условиях быстрого увеличения количества заключенных увеличивались возможности для разного рода фальсификаций. Обращает на себя внимание, например, резкое увеличение численности заключенных, проходивших в ГУЛАГовской отчетности по графе «выбывшие из лагерей по неопределенным причинам». Если в предшествующие несколько лет таких фиксировали от 1,2 до 2,7 тыс., то в 1938 г. — 16,5 тыс.

Во-вторых, как обычно в периоды массовых репрессий, резко увеличилась смертность на этапах, данными о которых мы пока не располагаем... в отчетности о движении лагерного населения обращает на себя внимание разница между численностью заключенных, отправленных из лагерей в другие лагеря и прибывших из лагерей в другие лагеря. В 1938 г. она составила 38 тыс.» [35, С.373].

Другим существенным источником недоучета являлись так называемые «разгрузки» лагерей от «инвалидов и больных неизлечимых недугом» в ходе «активирования» умирающих заключенных на свободу для улучшения статистической отчетности.

Пенитенциарная статистика и смертность заключенных в тюрьмах США и Франции взята из официальных отчетов соответственных ведомств этих стран [5,6] и считается достоверной.

Данные о смертности в нацистской концлагерной системе ретранслированы из материалов канцелярий о движении заключенных соответственных лагерей, опубликованных в разных источниках[21, 22, 23, 24]. В конце 1980-х гг. польским историком М. Карни высказывались сомнения в достоверности отчетов движения заключенных немецких концлагерей, подчиненных СС. Позднее немецкий историк М. Буггельн обработал и проанализировал значительный объем параллельных и пересекающихся данных из альтернативных источников. Он убедительно доказал, что статистика, предоставляемая руководству SS-WVHA, куда ближе к реальности, чем полагал Карни, и может использоваться для характеристики трендов — с определенной поправкой на недоучет[19, S.66-67].

Общая ситуация в системе ГУЛАГа в годы «Большого террора», предпосылки образования лесных лагерей.

Объективный анализ кризиса в лесных лагерях невозможен без рассмотрения контекста и предпосылок их возникновения, а также общего краткого обзора ситуации в уголовно-исполнительной системе СССР этих двух лет.

Абсолютное большинство погибших заключенных новообразованных лесных ИТЛ этого периода являлись жертвами серии массовых террористических операций, получивших в историографии наименование «Большой террор». Инициированные Политбюро и проведенные советской политической полицией при поддержке прокуратуры, милиции и партийных органов, так называемые массовые операции НКВД стали одной из самых жестоких и масштабных репрессивных акций за все время существования советской власти, затронувшей все слои советского общества. Выдающийся даже по советским меркам уровень государственного насилия выразился, прежде всего, в феноменальном увеличении количества смертных приговоров. За два года было расстреляно около 700 тыс. чел.: в среднем в течение года убивали по тысяче человек в день[39, С.568]. Это абсолютный антирекорд по смертным казням для нашей страны за два века.

Помимо расстрелов, этот период отмечен еще одним антирекордом: никогда за всю историю российской юстиции XIX-XX вв. в места лишения свободы не поступало в столь сжатые сроки такого гигантского количества следственных и срочных заключенных.

«Население» лагерей, колоний и тюрем увеличилось за 9 месяцев (с 1 июля 1937 г. по 1 апреля 1938 г.) на 800 тыс. чел. На 1 января 1939 г. в лагерях находилось 1 317 195 заключенных, в тюрьмах — 352 508, в колониях — 355 243[15, С. 77].

Вот как описывает ситуацию Хлевнюк: «Катастрофические последствия имело резкое нарастание потока в лагеря новых заключенных, причем измученных тюрьмами и пытками, тяжело больных и часто раздетых. Пик поступления заключенных, в силу того, что массовые операции начались в августе 1937 г., пришелся на зиму. Вопреки существовавшим правилам, предусматривавшим отправку в лагеря относительно здоровых и годных к

физическому труду заключенных, новые контингенты состояли в значительной мере состояли из больных и нетрудоспособных... Во многих случаях областные и республиканские отделы мест заключения (которым подчинялись тюрьмы и колонии) направляли в лагеря значительно большее количество заключенных, чем предписывали наряды, выданные из Москвы. Отправка в лагеря большого количества истощенных, больных и инвалидов, а также превышение нарядов были естественным следствием всей гугаговской системы в годы «большого террора». Переполненные тюрьмы и колонии старались избавиться от заключенных, лагеря не могли их принять»[35, С.369].

От постоянно нарастающего потока заключенных коллапсировали даже так называемые «старые лагеря» ГУЛАГа, где жилищная и продовольственная материальная база создавалась много лет назад и постоянно расширялась в течение 1930-х гг.

Материалы прокурорских проверок свидетельствовали о критической ситуации, сложившейся в Бамлаге, Дальлаге и особенно в Сиблаге, где из-за переполнения вспыхнула эпидемия сыпного тифа[35, С.369-370], которая распространилась и на другие лагеря. В полное расстройство пришла этапно-пересыльная система, не справлявшаяся с потоком заключенных. С эшелонов в это время постоянно снимали умерших в пути из-за истощения и обморожения. Скученность в переполненных вагонах, антисанитария, отсутствие отопления зимой приводили к росту заболеваемости, инвалидности и смертности. Кризис нарастал и в экономическом лагерном секторе. Из-за арестов руководителей, поступления в лагеря истощенных контингентов лагерная экономика провалила все хозяйственные планы[35, С.373-375].

Наконец, одним из объективных свидетельств мощного кризиса системы исполнения наказаний стал резкий скачок в абсолютных и относительных показателях смертности по всем пенитенциарным структурам. Всего за 1937—1938 гг. в лагерях, колониях и тюрьмах погибло около 160 тыс. чел.: население небольшого города[3, Л.2, 1, Л.44, Л.50].

За всю историю существования системы исполнения наказаний у нас в стране (кроме, возможно, кризиса 1933 г., с учетом погибших в местах заключения наркомюстов) никогда в мирное время в местах лишения свободы не погибало такого количества заключенных за пару лет[7].

Пик смертности в удельных коэффициентах пришелся на 1938 г., когда общий средний коэффициент смертности в лагерях поднялся до 78 *pro mille* (при 34 *pro mille* в 1937 г.)[3, Л.2]. Учитывая, что основную массу заключенных составляли взрослые мужчины в самом здоровом возрасте — от 20 до 40 лет[3, Л.9], общий коэффициент смертности в лагерях в 7—8 раз превосходил смертность аналогичных возрастов в свободном населении СССР за этот год. Такой масштаб преждевременной смертности относительно молодых людей, которые прожили бы значительно дольше на

воле, является системным маркером тяжелой ситуации в лагерной системе этого периода.

Создание лесных лагерей 1-й и 2-й очереди летом 1937 г. Динамика смертности «контингента» лагерей в 1937—1938 гг.

Политбюро и высшее руководство НКВД уже в июле 1937 г. отдавали себе отчет в том, что существующая инфраструктура лагерной системы будет неспособна принять намечавшиеся гигантские потоки осужденных. Поэтому образование в авральном порядке новых лагерей являлось составной частью изначально амбициозного плана массовых репрессий.

Начало «Большому террору» положил печально известный оперативный приказ № 00447, утвержденный постановлением Политбюро от 31 июля [36, С.281-282]. В нем специально оговаривалось создание сети лесозаготовительных исправительно-трудовых лагерей в Казахстане, на Севере, Урале и Сибири, с конкретными указаниями НКВД обо всех нюансах их организации. Среди прочего предписывалось: «Всех кулаков, уголовников и другие антисоветские элементы, осужденные по 2-й категории к заключению в лагеря на сроки, использовать... для постройки новых лагерей, специально организуемых для лесозаготовительных работ силами осужденных».

Это решение было формализовано постановлением СНК СССР № 1244-286сс от 1 августа 1937 г. и закреплено приказом НКВД № 078 «Об организации лесозаготовительных лагерей» 16 августа того же года за подписью Н.И.Ежова. Приказ гласил: «Во исполнение постановления Совета Народных Комиссаров Союза ССР... ПРИКАЗЫВАЮ: 1. Организовать нижеследующие лагеря: А) Тайшетский; Б) Томск-Асинский; В) Куломский; Г) Усть-Вымский; Д) Ивдельский; Е) Каргопольский; Ж) Локчимский...» [4, Л.217-219]. В приказе также подробно регламентировались организационные аспекты создания лагерей и кадровые вопросы. Ставилась цель начать основные лесозаготовительные работы 1 января 1938 г., «забросив» в каждый лагерь не менее 15 000 заключенных.

Значительная часть узников новых лагерей состояла из осужденных по «политической» 58-й статье УК. Однако репрессии 1938 г. по масштабу превзошли операции 1937 г. С учетом постоянно увеличивающегося потока осужденных Политбюро было снова вынуждено в срочном порядке отдавать приказ об организации лесозаготовительных комплексов 2-й очереди: так были созданы Вятлаг, Усольлаг, Севураллаг, Краслаг, Унжлаг и Онеглаг. Однако и их создание не решило проблемы переполнения пенитенциарной системы. Как это часто бывало с реализацией непродуманных и нереалистичных инициатив такого масштаба, приказ оказался совершенно не подкреплен реальными ресурсами и оперативными возможностями Главного управления лагерей. То, что выглядело гладко на бумаге, в реальности привело к катастрофе.

Предполагавшихся лагерных управлений в Казахстане создано не было в принципе из-за отсутствия экономических возможностей, а план по завозу заключенных в новые лагеря на 1 января 1938 г. оказался провален. Заброшенные в тайгу и лесные массивы осенью 1937 г. первые партии заключенных поначалу были еще способны бороться за свою жизнь (это выражалось, среди прочего, в большом количестве побегов). Однако зимой 1937—1938 гг. они стали стремительно терять силы, что зафиксировали санотделы лагерей.

Таблица 1. Сведения о категорийном составе з/к, содержащихся в лесных лагерях НКВД по состоянию на 1 января 1938 г.

Лесные лагеря	I категория	II категория	III категория	в том числе инвалиды	без категории	Всего заключенных
Кулойлаг	8383	2890	940	266		10581
Каргопольлаг	4676	3452	4519	966	2570	15217
Локчимлаг	7811	4867	6295	1187		18973
Ивдельлаг	8586	4078	2429	36	1137	16230
Томасинлаг	4925	2969	4018	917		11912
Тайшетлаг	5512	2805	3033	1090	1983	13333
Усть-Вымлаг	1262	1277	1510	365	1173	5222
ИТОГО:	41155	20706	22744	4857	6863	91468

Источник: ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1с. Д. 1139. Л. 111.

Вместо намеченных 103 тыс. чел. в новые лагеря была «заброшена» только 91 тыс. заключенных. Ограниченно годных к труду и нетрудоспособных (по принятой тогда гулаговской классификации категории III) среди них на 1 января было уже 22,7 тыс. чел. Особенно в негативную сторону выделялся Тайшетлаг, где из 13 333 заключенных инвалидов насчитывалось 1090 чел. Несмотря на то, что на образование и обустройство лагерных управлений были выделены солидные финансовые средства и кадровые ресурсы, эффективно их реализовать не удалось. Да и вряд ли это было возможно в условиях хаоса массовых операций, изначальной нереалистичности директивных установок верховной власти и некомпетентности лагерного начальства всех уровней.

Для иллюстрации этого тезиса ознакомимся с динамикой подробных месячных показателей в лесных ИТЛ в 1938 г. на основе сводных данных Санитарного отдела ГУЛАГа.

Данные о смертности доступны с октября 1937 г. В конце года фиксируется относительно небольшое количество смертей: за октябрь—ноябрь — 532 чел.[2, Л.123]. Однако уже в ноябре в Локчимлаге умирает 1,55 %, в Ивдельлаге — 0,72 %, в Устьвымлаге — 1,14 % от среднесписочного состава лагерников[1, Л. 43]. Подобная *среднемесячная* смертность уже являлась крайне высокой. Стремительное увеличение смертности до катастрофических величин начинается в декабре 1937 г.: в Каргопольлаге

среднемесячный индекс поднимается до 2,52 %, в Локчимлаге — до 2,73 %, а в Ивдельлаге — до 3,66 %[1, Л.43]. Кривая смертности также начинает стремительно ползти вверх и во всех остальных лагерях.

Таблица 2. Смертность в лесных лагерях в 1938 г. (январь—июнь)

	1938		февраль		март		апрель		май		июнь	
	январь		абс.	отн.	абсолютн.	отн.	абс.	отн.	абс.	отн.	абс.	отн.
лесные лагеря первой очереди	абс.	отн.	абс.	отн.	абсолютн.	отн.	абс.	отн.	абс.	отн.	абс.	отн.
Кулойлаг	536	4.80.	486	4.21.	490	4.50.	321	3.05.	166	1.59.	161	1.79.
Каргопольлаг	478	2.97.	758	3.71.	804	3.13.	571	2.06.	528	1.89.	348	1.28.
Локчимлаг	726	3.86.	506	2.84.	467	2.53.	267	1.47.	239	1.23.	165	0.78.
Ивдельлаг	530	3.19.	397	2.29.	296	1.51.	199	0.91.	146	0.67.	155	0.71.
Томасинлаг	160	1,37.	222	1,94.	305	2,76.	217	1,97.	163	1,46.	89	0.81.
Тайшетлаг	220	1,65.	530	4.08.	422	3.37.	543	3.49.	222	1.22.	217	1.24.
Усть-Вымлаг											45	0.63.
лесные лагеря второй очереди												
Унжлаг	11	0,02	27	0,28	114	0,75	108	0,7	89	0,57	52	0,33
Вятлаг			9	0,14	48	0,51	68	0,56	191	1,56	141	1,15
Онеглаг					2	1,21	85	0,61	138	0,98	104	0,73
Усольлаг												
Сеураллаг			1	0,03	38	0,29	82	0,39	114	0,68	159	0,67
Краслаг			2	0,04	39	0,57	100	0,75	104	0,60	114	0,61

Продолжение таблицы 2. Смертность в лесных лагерях в 1938 г. (июль—декабрь)

лесные лагеря первой очереди	1938											
	июль		август		сентябрь		октябрь		ноябрь		декабрь	
	абс.	отн.	абс.	отн.	абс.	отн.	абс.	отн.	абс.	отн.	абс.	отн.
Кулойлаг	125	1.15.	97	1.50.	67	0.85.	34	0.32.	23	0.21.	35	0.32
Каргопольлаг	247	0.88	278	0.98	186	0.64	124	0.42	76	0.26.	92	0.31.
Локчимлаг	129	0.58.	135	0.51	114	0.46	96	0.38	88	0.33.	94	0.32.
Ивдельлаг	125	0.57.	98	0.44	79	0.36	54	0.25.	32	0.15.	34	0.16.
Томасинлаг	69	0.62.	77	0.68.	58	0.51	35	0.32	21	0.20	44	0.39
Тайшетлаг	313	1.92.	262	1.72.	184	1.25.	85	0.58.	33	0.22.	45	0.31.
Усть-Вымлаг	64	0.90.	90	1.12.	107	1.16.	87	0.79.	145	1.17.	196	1.61.
лесные лагеря второй очереди												
Унжлаг	74	0,47	71	0,45	56	0,35	48	0,3	51	0,23	79	0,49
Вятлаг	209	1,6	203	1,69	115	0,96	155	1,07	136	0,83	130	0,78
Онеглаг	85	0,59	91	0,65	80	0,54	56	0,36	40	0,25	53	0,32
Усольлаг			116		120		103		97			
Сеураллаг	154	0,64	112	0,45	78	0,32	59	0,23	51	0,19	62	0,23
Краслаг	199	1,26	261	0,97	149	0,66	105	0,63	62	0,4	48	0,31

Таблица 3. Итоговая смертность в лесных лагерях за 1938 г.

Лесные лагеря	Смертность	
	абс.	Отн. от среднегодовой численности, % первой очереди
Кулойлаг	2541	24.24
Каргопольлаг	4490	18,53
Локчимлаг	3026	15.37
Ивдельлаг	2145	11,21
Томасинлаг	1460	13,09
Тайшетлаг	3076	21,50
Усть-Вымлаг	734	7,38
		второй очереди
Унжлаг	770	4,94
Вятлаг	1405	10,85
Онеглаг	734	6,24
Усольлаг	436	нет данных
Сеураллаг	910	4,12
Краслаг	1183	6,85

Составлено по: ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 2740. Л. 48—49; Там же. Д. 1139.Л.123.

В статистические сводки санитарного отдела не входят данные о расстрелах в лагерях этого периода, достигшие пика за все 1930-е гг.[32, С.39] Также необходимо учитывать, что итоговые коэффициенты лесных лагерей 2-й очереди рассчитаны за неполный год.

Итак, за 1938 г. в лесных лагерях погибло **22 910 человек из 90 546 человек умерших во всех ИТЛ**. Следует отметить беспрецедентный масштаб подобной смертности в такие короткие сроки. Достаточно сказать, что за один год и только в лесных лагерях погибло больше заключенных, чем за **20 лет** существования всех каторжных тюрем Российской Империи (1895—1915 гг.)[7].

Итоги первого этапа создания (осень 1937 — зима 1938 гг.) лесных лагерей исчерпывающе охарактеризовал О.В. Хлевнюк: «Невероятно высокой была смертность среди заключенных новых лагерей. В декабре 1937 г., согласно отчетным данным, она составляла 2415, в январе 1938 г. — 3343, в феврале — 3244, в марте — 3040 чел. Это составляло в среднем чуть меньше половины заключенных, числившихся умершими за этот период по всем лагерям (в декабре 1937 — марте 1938 гг. около 26 тыс.)... Результаты создания лагерей были ужасающими — за первые полгода существования более 12,5 тыс. умерших, 1272 беглеца, более 20 тыс. нетрудоспособных, в том числе 5 тыс. инвалидов... Новые лесные лагеря, организованные в 1937 г., по существу оказались временными лагерями смерти»[35, С.372].

Заключенные в семи лесных лагерях, оказались в экстремально тяжелом положении даже по сравнению с коллапсирующей сетью старых ИТЛ. Высаженные из эшелонов в неподготовленные для расселения такого количества людей тайгу и лесные массивы, без достаточных запасов продовольствия, понукаемые начальством заниматься энергозатратными лесозаготовками, многие узники были обречены на инвалидность и гибель.

Кризис продолжался вплоть до осени 1938 г. Смертность почти во всех лагерных управлениях оставалась аномально высокой в течение зимы и весны. Она обрела первые тенденции к снижению лишь в апреле, после завоза новых нарядов (см. табл. 1 и 2). Представление о том, что происходило в 1938 г., например, в Локчимлаге, можно получить из региональных исследований. Вот как описывает ситуацию первого года его функционирования Н.А. Морозов: «Следует сказать, что Локчимский лагерь был самым страшным из всех лагерей, дислоцированных в те времена в Коми АССР. Условия жизни и труда заключенных были ужасающими. В январе—феврале 1939 г. Коми обком ВКП(б) проверял работу лагеря. В ходе проверки вскрылись факты, набор которых оказался достаточным для снятия с работы ответственных работников лагеря. Самым страшным, по мнению членов комиссии, был IV квартал 1938 г., когда от голода, болезней и непосильного труда умерли более 1000 заключенных (всего за этот год погибли 4003 заключенных, в том числе за октябрь 1937 — май 1938 гг. — 3169 чел.).

Главной причиной смертности были истощение организма и авитаминоз. При наличии запасов муки начальники лаготделений умышленно снизили нормы питания до 200 г хлеба в день, кормили заключенных мучной похлебкой. Особенно зверский режим содержания был в Мыелдинском, самом отдаленном лаготделении (начальник — Большаков).

Только на расходах по содержанию заключенных в этом квартале администрация лагеря “сэкономила” 105280 руб. На каждый лагучасток было выделено по 2 т вазелина, который использовался как профилактическое средство против обморожения. Комиссия обнаружила несколько сот обмороженных заключенных. О вазелине никто из них не слышал. По воспоминаниям уцелевших бывших узников Локчимлага, “там царил такой голод, что люди ели людей. И от голода пытались бежать”. Их ловили, судили и расстреливали. Так, особая тройка НКВД Коми АССР 28 января, 7 и 14 февраля 1938 г. приговорила к расстрелу 106 заключенных Локчимлага по ст. 82 ч. 1 УК РСФСР за побег.

Таким образом, достигалась экономия средств. Только на питании заключенных в 1938 г. было “сэкономлено” 606 700 руб., и эти средства пошли в фонд зарплаты управленческого персонала лагеря. О тяжелом положении лагерников свидетельствуют и данные о категорийном составе заключенных. В I квартале 1938 г. из 18 623 чел. почти 40 % были нетрудоспособными. Во II квартале: из 18816 — 33,7 %. В III квартале: из 22 936 чел. — 21,5 %, и в IV квартале: из 26 861 — 30 %.

Фактически все лагпункты были переполнены. Сотни заключенных жили за пределами зоны — в землянках, временках, палатках, сараях местных жителей»[31, С.155].

Примечательно, что данные из местного архива Локчимлага расходятся с информацией из сводной статистики центрального аппарата Санитарного отдела почти на 1000 чел. Это нередко случалось из-за развала учета и небрежного ведения документации работниками ГУЛАГа всех уровней.

Несмотря на то, что во всех без исключения лесных лагерях 1937—1938 гг. фиксируется сверхсмертность, индексы достаточно сильно варьировались от одного лагерного комплекса к другому. Если подвести интегральный итог и выстроить некую иерархию по критерию смертоносности, то наиболее экстремальной выглядит ситуация в Кулойлаге. За 1938 г. там погибло 2541 заключенных, что составило 24 % от среднесписочного состава — по сути, умер каждый 4-й узник. Это абсолютный антирекорд по всей системе ГУЛАГа в 1938 г. На 2-м и 3-м месте находились Тайшетлаг и Каргопольлаг, где за год вымерло 21,5 % и 18,53 % заключенных соответственно — примерно каждый пятый от среднесписочного состава контингентов.

В Томасинлаге погиб каждый 7-й (13,8 % от среднесписочного состава), в Локчимлаге каждый 6-й (15,37 % от среднесписочного), в Ивдельлаге каждый 9-й (11,21 % от среднесписочного). Наиболее низкая смертность из

ИТЛ 1-й очереди зафиксирована в Усть-Вымлаге: погибло 7,38 %, то есть умер каждый 14-й.

ИТЛ 2-й очереди в санитарном отношении были, как правило, благополучнее, хотя необходимо учитывать, что основаны они были в течение 1938 г. и данные о них имеются за неполный год. Худшим лагерем из этой категории был Вятлаг, где погиб каждый 10-й заключенный от среднесписочного состава. Самые низкие показатели зафиксированы в Унжлаге и Севураллаге.

Причины катастрофы 1938 г. в лесных лагерях

Не подлежит сомнению, что ситуация 1937—1938 гг. в советской системе исполнения наказаний является экстремальной искусственной флуктуацией. Однако, по сути, в еще более широких масштабах повторилась картина массовых репрессий периода коллективизации 1930—1933 гг. Тогда утопические политические решения верховного руководства страны о проведении глобальных централизованных репрессивных акций оказались невыполненными из-за несоответствия объективным логистическим и инфраструктурным возможностям пенитенциарной системы. Свою роль снова сыграл невысокий уровень профессиональной компетенции управленческих кадров ГУЛАГа — причем не только на местах, но и в центре.

Красноречивым подтверждением последнего является формулировка из сверхсекретной проверки НКВД после устранения наркома Ежова: «Главное Управление лагерями, насчитывающее в своем центральном аппарате свыше 1.000 человек, находится в жалком состоянии и совершенно не способно руководить большим сложным и разнообразным хозяйством»[33, С.361-362.]

Лесозаготовительные работы всегда считались одними из самых тяжелых даже по меркам ГУЛАГа. В этот период основной их объем выполнялся вручную при очень низкой механизации, мускульной силой заключенных. Б.А. Нахапетов сообщает следующую информацию об энергозатратах: «Как установили отечественные ученые—гигиенисты, суточные энергозатраты шахтеров, лесорубов, землекопов, каменотесов и других представителей очень тяжелого, не механизированного труда составляют не менее 4500 ккал»[32, С.26.] . На лесозаготовках эти показатели могут в сутки достигать и 5—7 тыс. ккал. На потребление энергии прямым образом влияют и климатические условия — а практически все лесные лагеря были дислоцированы в зонах с очень суровым климатом. В результате калорий для поддержания организма заключенным этих лагерей требовалось еще больше.

Проблема недостаточного питания заключенных была универсальной для советской лагерной системы на протяжении всего периода ее существования. Она открыто признавалась высшими чинами НКВД. Так, в письме нового наркома Л.П. Берии на имя В.М. Молотова от 17 апреля 1939 г. говорилось следующее: «Существующая в ГУЛАГе... норма питания в 2000 калорий рассчитана на сидящего в тюрьме и не работающего человека. Практически и

эта заниженная норма снабжающими организациями отпускается только на 65—70 %. Поэтому значительный процент лагерной рабочей силы попадает в категории слабосильных и бесполезных на производстве людей. На 1 марта 1939 г. слабосильных в лагерях и колониях было 200 000 человек, и поэтому в целом рабочая сила используется не выше 60—65 %»[35, С.376].

Это был результат 1938 г. В одном из отчетных документов Санитарного отдела под названием «Удельный вес смертности по отдельным болезням к общей смертности по ИТЛ НКВД за 1938 г.» истощение указано в качестве основного диагноза и причины 10 % общего числа смертей по всем лагерям (не только лесным) в январе и марте 1938 г., во время самого массового мора заключенных в лесозаготовительных ИТЛ. За год этот показатель равнялся 5,1 % [1, Л.54]. Пеллагра (формально авитаминоз, а по факту — эвфемизм для того же истощения) зарегистрирована в 9,2 % случаев [1, Л.54]. Правда, эти проценты рассчитаны не от всего числа погибших за это время, но характеризуют очевидную тенденцию: зимой, весной и отчасти даже летом 1938 г. заключенные лесных лагерей вымидали от голода.

Наряду с легальными ограничениями пищевых раскладок и коррупцией существовал еще один системный фактор, игравший негативную роль: т.н. «шкала дифференцированного питания». В советских лагерях утвердился специфический принцип формирования суточной нормы еды для заключенного. Эта норма напрямую зависела от выполнения хозяйственных заданий. Принципиальным был следующий нюанс: заключенный мог получать надбавку за выполнение или перевыполнение норм. Однако существовали и понижающие коэффициенты: если заключенный норму выработки не выполнял, то ему урезали «пайку». На практике этот принцип приводил к появлению так называемых «доходяг», которые еще кое-как перебивались в спокойные периоды, но начинали вымирать при малейшем форс-мажоре типа расстройства снабжения. Если человек попадал в лесной лагерь в 1938 г. больным и ослабленным, шансов восстановить свое здоровье нормальным питанием почти не было, так как истощенные лагерники не вырабатывали положенных норм и переводились на более низкокалорийный «котел» питания. А если в эти «котлы» еще и не докладывали того, что положено по норме (как это было, например, в Локчимлаге), то экстремально высокая интенсивность гибели людей оказывалась гарантирована. Важным фактором, усугубившим ситуацию, была традиционная для советских карательных ведомств погоня за производственными показателями.

Вот несколько наиболее выразительных телеграмм периода самой высокой смертности:

«Выписка из сообщений лагерей о завозе рабсилы. Ивдельлаг

Ввиду острой потребности контингентов прошу распоряжения реализации январских нарядов расчетом прибытия приема первой декаде марта»[2, Л.118].

Эти наряды начальник Ивдельского ИТЛ Тарасюк требовал в феврале 1938 г., когда среднемесячная смертность в лагере достигала 2,28 %.

Сходные телеграммы поступали в центральный аппарат Учетно-распределительного отдела ГУЛАГа из Каргопольлага, Онеглага и Севураллага:

«В Ярцевское отделение Каргопольлаг'а до 12/II не поступало ни одного человека. К приему людей подготовлены, работ развернуть не можем, отгрузка леса под угрозой срыва»[2, Л.119].

Онеглаг: «Дополнение ряда моих телеграмм сообщаю, могу немедленно принять 4 000 чел. Немедленно шлите валовую рабсилу лесозаготовки. Соколов

(телегр.16/1-38уг.)

«Терпим острую нужду людях. Прошу в/личного вмешательства Соколов»

(телегр.26/1)[2, Л.122].

Телеграмма из Севвураллага: «Готов приему размещению 9000. Форсируйте отправку контингентов».

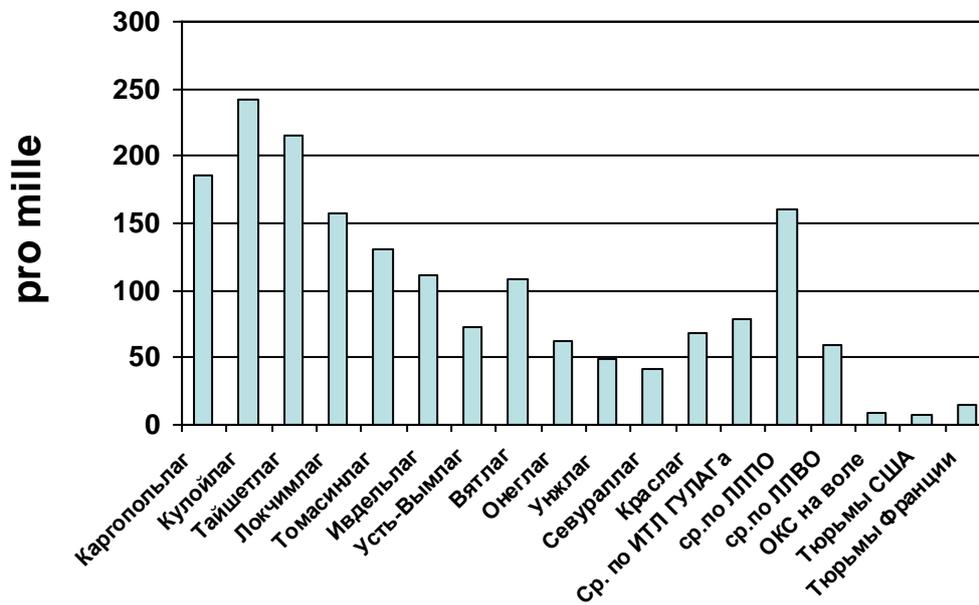
Есть телеграмма о временной приостановки приема»[2,Л.120].

Анализ телеграмм начальников лагерей в течение 1938 г. позволяет выделить ряд интересных особенностей в политике лагерного руководства этого периода. Несмотря на то, что в зонах их ответственности разыгрывалась гуманитарная катастрофа, многие из всех сил пытались выполнить указания по лесозаготовкам, видимо, опасаясь (и вполне обоснованно) возможных репрессий за провал планов. Как следствие, в Учраспредотдел сыпались телеграммы начальников лагерей с просьбами о завозе все новых и новых партий заключенных. Это объяснялось тем, что первые партии либо погибли, либо были истощены, поражены дистрофией, авитаминозами и инфекционными болезнями. При этом помесечная статистика смертности наглядно демонстрировала, что новые лагеря были явно не готовы не только к приему новых контингентов, но и к обеспечению имеющихся минимальными условиями для сохранения их жизни и здоровья.

Сравнение в мировом контексте

Теперь приступим к основной цели данной работы: анализу кризиса 1937—1938 гг. в мировом контексте.

Блок № 1. Сравнение с сопоставимой половозрастной когортой на воле, с тюрьмами США и Франции в 1938 г.



ЛЛПО: лесные лагеря первой очереди.

ЛЛВО: лесные лагеря второй очереди.

Источники:

Для США: Statistical Abstract of the United States 1940. Number 62. Washington, DC, 1941. P. 78;

Для Франции: Statistique Penitenciaire Pour L'Annee 1938. Melun. Imprimerie Administrative. 1945. P. 6, 28;

Для лесных лагерей ГУЛАГа: ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1с. Д. 2740. Л. 48—49;

Коэффициент смертности на воле рассчитан с учетом возраста и пола заключенных по: Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Л. Население Советского Союза. 1922—1991. М., 1993. С. 120; Народонаселение стран мира: Справочник / Под ред. Б.Ц. Урланиса. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1978. С. 176—177.

Половозрастной состав заключенных лесных лагерей СССР и французских и американских тюрем различался несущественно. Поскольку ни во Франции, ни в США за репрезентативный отрезок (1930—1940 гг.) не произошло никаких серьезных флуктуаций общего коэффициента смертности среди заключенных, нами для анализа взята статистика только 1938 г.

В срочных тюрьмах США умерло 990 человек с относительным коэффициентом в 7 *pro mille*. Во французских центральных каторжных тюрьмах умерло 58 человек с относительным коэффициентом в 15 *pro mille*. Во всех лесных лагерях погибло, как уже отмечалось, 22 190 человек, из них в лагерях первой очереди 17 472, что составило примерно 160 *pro mille*, или

каждый 6-й заключенный от среднегодового состава. В лесозаготовительных ИТЛ 2-й очереди за 10 месяцев 1938 г. погибло 5438 заключенных (без учета нескольких месяцев для Усольлага), что составило примерно 60 *pro mille* за год.

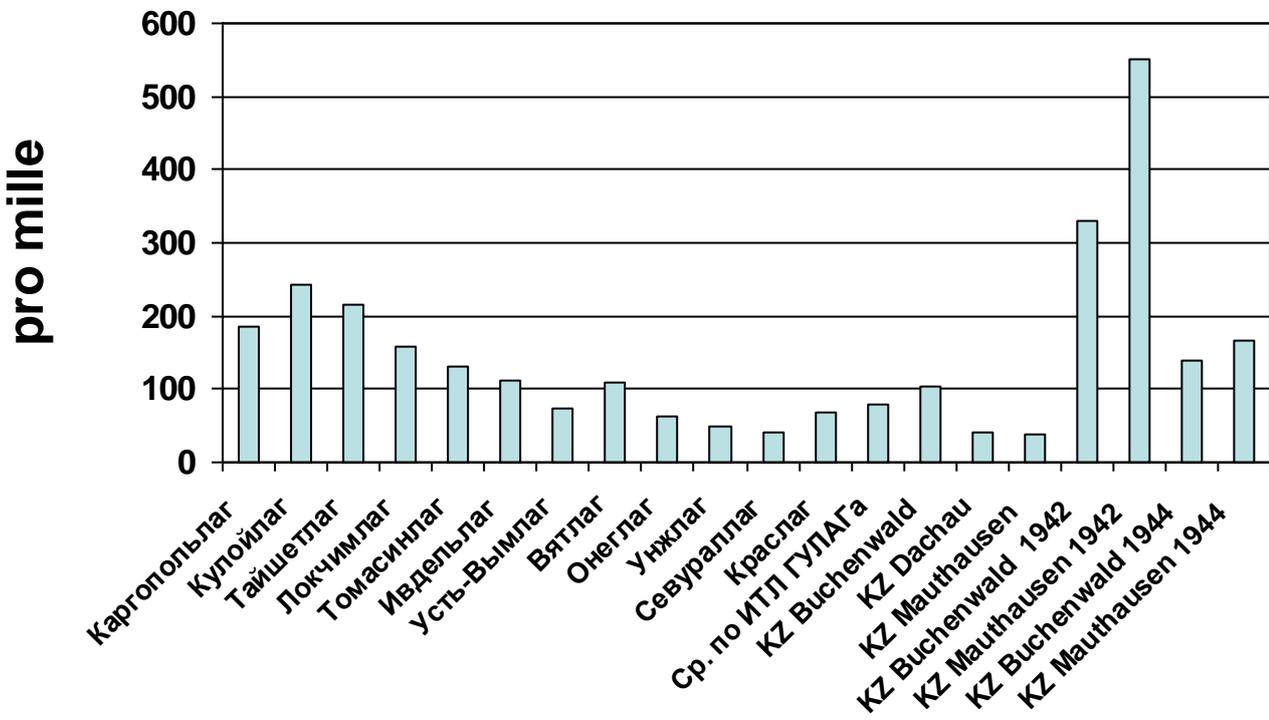
Иначе говоря, в лесных лагерях первой очереди погибло заключенных в 18 раз больше в абсолютных и в 23 раза в относительных показателях, чем в срочных тюрьмах США за 1938 г.

Уровень смертности в лесозаготовительных лагерях 1-й очереди в период массовых операций НКВД в среднем в 15—16 раз превосходил смертность сопоставимых возрастов в свободном населении СССР конца 1930-х гг. По отдельным лагерям этот коэффициент был еще выше: например, человек, попавший в 1938 г. в Кулойлаг имел примерно в 25 раз более высокий шанс умереть, чем человек того же возраста на свободе. Лагеря 2-й очереди демонстрировали куда меньшую, но от того не менее аномальную смертность. Она в среднем в 6 раз превышала сопоставимые показатели на воле, а также в разы превосходила тюремные системы передовых индустриальных стран.

Основываясь на этих цифрах и пропорциях, можно сделать однозначный вывод об архаичном и регрессивном характере столь высокой смертности советских заключенных в лесных лагерях по сравнению с ее «условно-нормальным» уровнем, характерным для пенитенциарных систем развитых стран этого периода.

Второй системный вывод из данных сопоставлений: массовые операции НКВД спровоцировали в пенитенциарной системе СССР в невоенное время показатели смертности, характерные для далекого прошлого Европы и США.

Блок № 2. Сравнение с нацистскими «обычными» концлагерями юрисдикции СС в 1938 г. и их пиковыми показателями (1942, 1944 гг.).



Источники:

Для лесных лагерей ГУЛАГа: ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1с. Д. 2740. Л. 48—49;

Для Бухенвальда: Документ 2171—PS из массива Нюрнбергского трибунала, опубликован: *Nazi Conspiracy and Aggression*. Washington, DC, 1946—1948. Vol. 4. P. 829;

Для Дахау: Herbert U., Orth K., Dieckmann K. (als Mitherausgeberin): *Die nationalsozialistischen Konzentrationslager: Entwicklung und Struktur*. 1998, Bd.I. S.29;

Для Маутхаузена: Benz W., Distel B., Königseder A. *Der Ort des Terrors*. Band 4: Flossenbürg, Mauthausen, Ravensbrück. 2006, Bd. 4. S. 315.

Половозрастной состав советских и нацистских лагерей был, в целом, сопоставим.

При сравнении двух систем лагерей очевидно, что только смертность в Бухенвальде в 1938 г. примерно соответствовала уровню смертности в Вятлаге. В других немецких лагерях в тот год смертность была в разы ниже. Однако Кулойлаг, Тайшетлаг, Каргопольлаг, Локчимлаг, Томасинлаг, Ивдельлаг превосходили по уровню смертности вообще все немецкие лагеря на тот момент. Сопоставимыми выглядят лишь более благополучные лесные лагеря 2-й очереди.

Обращает на себя разница и в абсолютных показателях из-за разницы в приговорности двух режимов в конце 1930-х гг. В четырех самых крупных лагерях нацистской Германии (Маутхаузене, Дахау, Бухенвальде и Заксенхаузене) в 1938 г. умерли 1406 чел.[23, P.36]. Это в 16 раз меньше, чем в лесозаготовительных ИТЛ в тот же год.

Однако в годы Второй Мировой войны немецкие концлагеря стали превосходить лесные ИТЛ 1937-1938гг. в относительных цифрах. В самый кризисный период их существования (1942 и 1945 года) Маутхаузен и Бухенвальд значительно превосходили ИТЛ по индексам смертности. Самый страшный из всех концлагерей Рейха — Маутхаузен — в 1942 г. вообще продемонстрировал *500 pro mille*, то есть в нем погиб каждый 2-й заключенный. С другой стороны, кризис лесных лагерей 1938 г. в аспекте смертности вполне был статистически сопоставим с санитарной ситуацией в Бухенвальде и Маутхаузене в 1944 г., что дополнительно подтверждает наши выводы о его аномальной тяжести.

Тем не менее, существенным отличием между двумя лагерными системами являлась то, что смертность в лесных ИТЛ сократилась в разы в 1939—1940 гг., когда как в нацистских лагерях в этот период, напротив, наблюдался ее рост до астрономических величин. Более подробные сравнения каждого лагерного комплекса на протяжении длительного времени с учетом всего

комплекса факторов, сходств и различий, причин и следствий еще предстоит в рамках других работ.

Выводы

Прямым следствием массовых операций НКВД 1937—1938 гг. явилось не только физическое уничтожение приговоренных к высшей мере наказания, но и не имеющая прямых аналогов в нашей истории дезорганизация пенитенциарной системы, повлекшая резкое увеличение смертности среди вновь поступивших контингентов.

Особенно тяжелая санитарная ситуация складывалась в новых лесных лагерях ГУЛАГа, организованных в авральном порядке вслед за решением Политбюро. Именно в эти новообразованные ИТЛ хлынула часть гигантского потока осужденных в ходе «кулацкой» и «национальных» (линейных) операций НКВД. И именно эти заключенные умирали с беспрецедентной для мирного времени интенсивностью.

Кризис в лесных лагерях породили следующие причины:

1. Уникальный масштаб репрессивной политики 1937—1938 гг., которая осуществлялась без оглядки на реальные ресурсы пенитенциарной системы. Руководство страны, принимая решение о спешной организации лесных лагерей, вряд ли отдавало себе отчет о возможных гуманитарных последствиях своей репрессивной политики;
2. Характер самих лесозаготовительных работ. Рубка леса и в спокойные времена считалась тяжелейшим занятием для лагерных контингентов, а в условиях отсутствия продовольствия, медицинского обслуживания и нормального жилья в холодную зиму 1937—1938 гг. привела к катастрофе;
3. Специфика формирования пайкового довольствия и общего состояния со снабжением в ГУЛАГе в 1930-е гг. На этой сфере постоянно экономили. Высокие энергозатраты на рубке, сплаве и погрузке леса не покрывались даже официальными нормами питания и при условии их выдачи в полном объеме. Вдобавок пайки выдавались по специфическому для ГУЛАГа дифференцированному принципу (в зависимости от нормы выработки), попутно расхищаясь в аппаратах снабжения;
4. Специфика государственного и хозяйственного управления сталинского периода. Производственный план играл для местных управленцев главенствующую роль даже в атмосфере гуманитарной катастрофы. Руководство лагерей, опасаясь взысканий и репрессий за провал лесозаготовительных работ, ориентировалось на предельную эксплуатацию заключенных даже при отсутствии инфраструктуры и продовольственных ресурсов. Именно этим объясняются лихорадочные запросы лагерного начальства на новые контингенты уже зимой 1938 г.

Обозначенные причины, конечно, далеко не единственные, но, на наш взгляд, они являются основными. Причем катастрофа в лесных лагерях

примечательна именно превалированием субъективного политического фактора над всеми остальными причинами. Советский Союз находился на мирном этапе своего развития. В этот период не отмечено ни катастрофического голода, как в 1932—1933 гг. (урожай 1937 г. был рекордным), ни иностранного вторжения, как в 1941—1945 гг. Именно политические репрессии, организованные руководством страны, спровоцировали массовую гибель людей.

Если попытаться классифицировать ее на основе сравнительного анализа статистики тюремных систем разных стран, то ситуация в лесных лагерях 1937—1938 гг. однозначно относилась к выделенной нами 3-й категории. Это была гуманитарная катастрофа беспрецедентного уровня, своеобразный антирекорд в негативном опыте организации пенитенциарных учреждений в XX в.

Коэффициенты смертности в лесных лагеря в среднем в разы, а в некоторых лесных лагерях в десятки раз, превосходили аналогичные показатели тюрем развитых стран, половозрастных когорт в свободном населении СССР и были сопоставимы с индексами нацистских концлагерей самого страшного периода их существования: 1941—1945 гг.

Если говорить о всех пенитенциарных структурах (лагеря, колонии, тюрьмы) в 1937-1938 гг., то никогда за всю историю существования российской и советской пенитенциарной системы (кроме, возможно, 1933 г.) в мирное время в ней не погибало столько заключенных в такие рекордно короткие сроки. Значительную часть умерших (22 910 человек) в 1938 г. составили именно заключенные "новообразованных лесных лагерей".

Список источников и литературы

Источники:

1. Государственный архив Российской Федерации(далее - ГА РФ).Ф.9414.Оп.1с.Д.2740.
- 2.Там же.Д.1139.
- 3.Там же.Д.1155.
- 4.Там же. Ф.Р-9401.Оп.1.Д.490. Опубликовано: История сталинского Гулага. Т. 2.Структура и кадры. М., 2004.Т. С.131-132
5. Statistical Abstract of the United States 1940.Sixty-Second Number.US Government printing office. Washington.1941.

6. Statistique Penitentiare Pour L'Annee 1938. Melun. Imprimerie Administrative. 1945.

7. Отчеты по ГТУ. 1885-1915 гг. Спб-ПГ.

8. Сведения о болезненности и смертности среди арестантов в местах заключения гражданского ведомства. - СПб., 1882.

9. Документ 2171—PS из массива Нюрнбергского трибунала, опубликован: Nazi Conspiracy and Aggression. Washington, DC, 1946—1948. Vol. 4. P. 800—835.

Статьи из журналов и сборников:

10. *Д-р Бер.* Смертность в тюрьмах. // Тюремный вестник. №10. Октябрь. СПб. 1899.

11. *Бородкин. Л. И. Эрцц . С.* Структура и стимулирование принудительного труда в ГУЛАГе: Норильлаг, конец 30х - начало 50х гг. // Экономическая история: Ежегодник. 2003. М., 2004.

12. *Земсков В. Н.* ГУЛАГ: историко-социологический аспект // Социологические исследования. 1991. № 6.

13. Его же. Там же. № 7.

14. Его же. О подлинности статистической отчетности ГУЛАГа // Социологические исследования. 1992. № 6.

15. Его же. Заключение в 1930-е годы: социально-демографические проблемы // Отечественная история. 1997. № 4.

16. *Кокурин А. И., Моруков Ю. Н.* ГУЛАГ: структура и кадры // Свободная мысль. 2000. № 10.

17. *Моруков Ю. Н.* Статистика ГУЛАГа: мифы и реальность // Исторические чтения на Лубянке 2000 год: отечественные спецслужбы накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. М., 2011.

18. *Шевырин. С. А.* Производственная деятельность Усольского ИТЛ (1938-1953 гг.) // История пенитенциарной системы России в XX веке: Сборник материалов международного научного семинара. - Вологда, 2007.

Монографии:

19. *Buggeln M.* Das System der KZ-Außenlager. Krieg, Sklavenarbeit und Massengewalt. Bonn. 2012.

20. *Mühlhahn K.* Criminal Justice in China – A History, Cambridge: Harvard University Press. 2009.

21. *Herbert U., Orth K., Dieckmann K.* (als Mitherausgeberin). Die nationalsozialistischen Konzentrationslager: Entwicklung und Struktur. Bd.I., 1998.
22. *Concentration Camps in Nazi Germany: The New Histories.* Edited by *Jane Caplan and Nikolaus Wachsmann.* London. 2010.
23. *Sofsky W.* The Order of Terror: The Concentration Camp. Translated from the German by William Templer. Princeton University Press. 1999.
24. *Benz W., Distel B., Königseder A.* Der Ort des Terrors. Band 4: Flossenbürg, Mauthausen, Ravensbrück. 2006.
25. *Overy.R.* Dictators: Hitler's Germany and Stalin's Russia., Allen Lane, 2004.
26. *Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л.* Население Советского Союза. 1922—1991. М., 1993.
27. *Бердинских В.А.* Вятлаг. Киров, 1998.
28. Народонаселение стран мира: Справочник / Под ред. *Б.Ц. Урланиса.* 2-е изд., перераб. и доп. М., 1978.
29. *Дугин А.Н.* Неизвестный ГУЛАГ: Документы и факты. М., 1999.
30. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР / Сост.: *Смирнов. М.Б.* Науч. ред. *Н Охотин Н.Г., Рогинский.А.Б.* М., 1998.
31. *Морозов Н.А.* ГУЛАГ в Коми крае 1929-1956. Сыктывкар, 1997.
32. *Наханетов.Б.А.* Очерки истории санитарной службы ГУЛАГа. М., 2009.
33. *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец» - Николай Ежов. М., 2008.
34. *Упадышев. Н.В.* ГУЛАГ на Европейском Севере России: генезис, эволюция, распад. Архангельск, 2007.
35. *Хлевнюк О. В.* Хозяин: Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010.

Сборники документов:

36. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937—1938. — М., 2004

37. История сталинского Гулага. Т. 4. Население Гулага: численность и условия содержания. М., 2004.

38. ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918—1960 / Сост. *А. И. Кокурин, Н. В. Петров*. М., 2000.

39. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы: в 5 тт. 1927—1939. Т. 5. Кн. 2. 1938—1939. М., 2006.